

УДК 930.2

doi: 10.21685/2072-3024-2023-3-10

**«Рациональное в нерациональном»: идеи континентализма
первой половины XX в. в контексте теории
исторического процесса**

В. И. Шувалов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

shuvalov58@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* На фоне общей тенденции по расширению предметного поля исследований геополитического дискурса осуществляется дальнейшее осмысление возможностей такой интерпретационной модели, как континентализм, параметры которой в рамках актуализации проблемы рассматриваются в рамках основной геополитической дихотомии – противопоставления ее атлантизму. Цели работы – актуализировать рациональное (верифицируемое на основе теории исторического процесса) и прагматическое (отвечающее современным политическим реалиям) начало рассматриваемой геополитической схемы. *Материалы и методы.* Рассматриваемый дискурс историографически зафиксирован. Компоненты верифицируются с учетом разных теоретических предпочтений. Для нас принципиальным является предложенная К. Шмиттом в рамках его теории номоса Земли идея пространственной обусловленности любой системы геополитических координат. При рассмотрении континентализма как гипотетической, но возможной системы приоритетов под углом зрения рационализма используются устоявшиеся методы и принципы историографического анализа (историзма, системности, сопоставления и т.д.). *Результаты.* Установки континентализма определяются сквозь призму идеи политического доминирования, которая имеет очевидные плюсы и минусы. В рамках базовых, «теоретически нейтральных», геополитических (суверенное государство, представительство как механизм обратной связи, система международных отношений как пространство связей) параметров рассматриваются идеи структурного усложнения как показатели внешней и внутренней динамики социума, принцип демографического давления. Принципы общего анализа материала связаны с идеей государства как сложной системы с меняющейся доминантой в рамках политической дихотомии морских и сухопутных социумов. *Выводы.* Континентализм в рассмотренном варианте сохраняет объяснительный потенциал, анализируемые в рамках исследования аспекты могут использоваться для дальнейшей актуализации различных геополитических моделей. Несмотря на недостаточность описательного потенциала в рамках интерпретационной схемы, составляющие дискурса выдерживают нагрузку сложных геополитических схем, где учитывается идея неравновесной системы, с одной стороны, и необходимость конкретного теоретического инструментария – с другой.

Ключевые слова: Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, К. Шмитт, принцип «пространственного порядка», государство как неравновесная система, структурное усложнение, континентализм

Для цитирования: Шувалов В. И. «Рациональное в нерациональном»: идеи континентализма первой половины XX века в контексте теории исторического процесса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 139–149. doi: 10.21685/2072-3024-2023-3-10

“Rational in the irrational”: ideas of continentalism of the first half of the 20th century in the context of the historical process theory

V.I. Shuvalov

Penza State University, Penza, Russia

shuvalov58@gmail.com

Abstract. *Background.* Against the background of the general trend towards expanding the subject field of geopolitical discourse studies, further consideration is given to the possibilities of the interpretive model of continentalism, whose parameters, within the framework of the issue’s actualization, are considered in the context of the main geopolitical dichotomy – its opposition to Atlanticism. The purpose of the study is to actualize the rational (verifiable on the basis of the historical process theory) and pragmatic (responding to modern political realities) beginning of the considered geopolitical scheme. *Materials and methods.* The discourse under consideration is well-established in historiography, and its components are verified based on different theoretical preferences. The principle proposed by Carl Schmitt in the context of his theory of the nomos of the earth, which emphasizes the spatial conditioning of any system of geopolitical coordinates, is particularly relevant to our analysis of continentalism as a hypothetical but possible system of priorities viewed through the lens of rationalism. We use established methods and principles of historiographical analysis, such as historicism, systematics, comparison, and others. *Results.* The purposes of continentalism are viewed through the prism of the idea of political dominance, which has both pros and cons. We consider the principles of structural complexity as indicators of external and internal dynamics of society, demographic pressure as a priority within the basic, theoretically neutral, geopolitical parameters, such as a sovereign state, representation as a feedback mechanism, and the system of international relations as a space of connections. The general analysis of the material is linked to the idea of the state as a complex system with a changing dominant element within the political dichotomy of maritime and continental societies. *Conclusions.* Continentalism, as viewed in this article, retains its explanatory potential, and the aspects analyzed in this study may be used to further update various geopolitical models. Despite the descriptive limitations of the interpretive scheme, its components can withstand the burden of complex geopolitical systems that take into account the idea of an imbalanced system on the one hand and the need for specific theoretical tools on the other.

Keywords: Friedrich Ratzel, Rudolf Kjellen, Karl Haushofer, Carl Schmitt, the principle of “spatial order”, the state as an imbalanced system, structural complexity, continentalism

For citation: Shuvalov V.I. “Rational in the irrational”: ideas of continentalism of the first half of the 20th century in the context of the historical process theory. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2023;(3):139–149. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2023-3-10

Введение

Предметное поле в рамках любого направления исследований предполагает постепенное расширение. Актуально это и применительно к такому теоретическому дискурсу, как геополитика. Ее статус и наполнение до сих пор вызывают неоднозначное толкование, хотя сама геополитика как интерпретационный метод уже давно стала данностью, удачным компонентом

исследований, связанных с обоснованием политических притязаний и конструированием проектов в сфере государственного строительства разного уровня [1, с. 77–78; 2, с. 11–29; 3, с. 34–40; 4, с. 15–34]. Ее объяснительные возможности все время расширяются, поэтому их дальнейшее осмысление и актуализация, в частности в связи с темой континентализма как самостоятельного набора интерпретационных приемов с определенным теоретическим потенциалом, продолжают представлять не только теоретический, но и практический интерес.

Понимая уязвимость ряда декларативных политических идей, активно используемых в первой половине XX в. в рамках данной интерпретационной модели, соотнесем общую конфигурацию дискурса с рационально обоснованной теорией исторического процесса: человеческая история – это история неравновесных социальных агрегатов, которые под влиянием социальных процессов взаимодействуют и изменяются изнутри (идеи Н. И. Кареева [5] и В. О. Ключевского [6] в контексте дальнейших наработок И. Р. Пригожина [7] и Н. Лумана [8]). Это позволит операционализировать [9, с. 343] актуальные понятия в рамках геополитической дихотомии «атлантизм – континентализм», использовать их теоретический потенциал в контексте рациональных и прагматичных установок формирующейся «теории российского реализма» [10, с. 217–218] в сфере международных отношений.

Материалы и методы

Целостное восприятие самого континенталистского дискурса в науке достаточно противоречиво. «Отцы-основатели» данного направления, причем в неоднозначном контексте германофильства, в рамках геополитических построений фиксируются однозначно: Ф. Ратцель [1, с. 97–107; 2, с. 33–38; 3, с. 38], Р. Челлен [1, с. 107–114; 2, с. 39–41; 3, с. 34; 11; 12], К. Хаусхофер [1, с. 114–127; 2, с. 68–73; 3, с. 52; 13–15].

Оценки носят подчеркнуто пограничный характер [2, с. 384, 582–584], потому что, как и основные принципы современной геополитики с академической точки зрения, сформулированы с учетом доминирования «американского проекта», т.е. установок атлантистов [16, с. 13–55]. Кроме того, субъективный аспект, связанный с идеологией, сильно снижает общий прагматичный посыл: геополитика вообще и континентализм как направление исследований в частности научны. Множество комментариев «на злобу дня» «отцов-основателей» прямо не рациональны. Тем не менее в современной ситуации анализ их наработок по-прежнему актуален, потому что атлантистская интерпретация геополитических принципов категорична и альтернативы просто не предусматривает.

Принципиальным для нас будет учет установки Карла Шмитта «о существенном для любой исторической эпохи основополагающем процессе распределения пространства, об определяющей их структуру встрече порядка и локализации» [17, с. 65]. Тогда теоретические понятия должны учитываться в связи с реальным «пространственным порядком» [17, с. 259], «системой координат» исторического периода. Только в таком контексте и возможно «конкретное большое пространство» [18, с. 483]. Таким образом, целесообразно рассмотреть условия, при которых есть такая возможность, в границах функционирующей системы. Но необходимо учитывать, что, с точки зрения

методологии, «реперные точки» здесь носят описательный характер, это всего лишь следствие уже существующих социально-правовых реальностей. Так, атлантизм – это ряд дедуктивных установок, но они реализованы, фиксируют на уровне геополитической теории ситуацию, в рамках которой номос Земли в период Нового и Новейшего времени сформировался под влиянием морских англо-саксонских социумов, которые смогли не только обосновать, но и воплотить в жизнь идею доминирования.

Тогда континентализм – это осмысление возможностей по политической консолидации с признаками субъектности именно материкового пространства. Такая установка пока чисто гипотетическая, но также предполагает акцент на понятии «доминирования», «планетарной доминации» [10, с. 110], тогда как в настоящее время основным интерпретационным дискурсом является линия интеграции – сотрудничества. Только в первом интерпретационном варианте возможно противопоставление по линии континентализма – атлантизма – тогда любая из систем предпочтений выглядит законченной. Именно с этой точки зрения установки немецкой геополитики первой половины XX в. до сих пор остаются и пределом интерпретационных претензий данного дискурса.

Однако континентализм как восприятие доминантной установки (номос Земли в системе сухопутных социумов) проблематичен именно на практическом уровне. Политические конструкции Нового и Новейшего времени, которые можно соотнести с этой тенденцией, были краткосрочными в исторической перспективе и закончились крахом [3, с. 245–248]. Масштабы национального государства, видимо, недостаточны, чтобы просчитывать общие контуры геополитической эволюции сложных систем. В качестве примера удачного исторического доминирования, пожалуй, можно привести византийский континенталистский проект. Однако, что характерно, Э. Люттвак, анализируя его возможности, скептически оценивает именно идею «геополитики Хаусхофера», категорично давая понять, что «пространственное измерение стратегии в наши дни вполне второстепенно» [19, с. 589–590].

Для конкретной же страны понятие континентализма не подходит, оно слишком широкое, предполагает учет уровня сложной неравновесной системы. Такие параметры в границах привычного государства-нации редки или вообще невозможны. Само же по себе континентальное положение уязвимо, чревато множеством проблем: это всего лишь контур, обозначающий возможности [20, с. 28]. Например, Англия, смогла выйти за границы своей «островной» судьбы, а Япония – нет. Хотя политической верхушке Японии традиционно приписывается «чувство границы» [21, с. 116], это не позволило Японии в ее традиционной «жизненной форме» выйти на новый уровень организации окружающего пространства. Еще в XIX в. страна пыталась справиться с идеей необходимости колонизации Хоккайдо [22, с. 22, 41], пережила «открытие» себя внешними акторами, фактически отказавшись накануне от огнестрельного оружия [23, с. 388–389], генерировала экспансионистские проекты, где на первом месте значилась чисто силовая составляющая [22, с. 26, 80–82, 102]. Так и осталась в итоге в границах «островного дискурса», хотя в XX в. присутствуют попытки учета особенностей социальной структуры своего агрегата [22, с. 205]. Этого, очевидно, оказалось недостаточно.

Результаты и обсуждение

Остановимся на предметной части выбранной системы геополитических предпочтений, операционализируем «нерациональное».

Геополитика в рамках континентализма сразу определяется как аналитическая дисциплина, в центре внимания которой – проблема стабильности крупных социальных агрегатов, на которые можно влиять с помощью политических инструментов. Еще Рудольф Челлен в работе «Государство как форма жизни» (1916) сформулировал идею о том, что государство – это сложная система, социальный организм в состоянии постоянной неустойчивости [12]. При этом он оперировал рядом базовых, «теоретически нейтральных» (суверенное государство, представительство как механизм обратной связи, система международных отношений как пространство связей) параметров.

В таком контексте формулируются системные моменты. Ф. Ратцель, например, обращает внимание на «однородный уровень культуры, которому соответствует однородное могущество» [20, с. 34]. По мнению самого Р. Челлена, отправные точки анализа соотносятся с параметрами гомогенности населения, автаркии, социального равновесия. При этом, что тоже рационально, национальные интересы следует соотносить с политической целесообразностью. Обращается внимание на то, что государственное устройство исторично и уникально у каждого народа. Даже представительная система нуждается в конкретной настройке: «Всеобщее избирательное право – это не ошибка. <...> Ошибка заключена во всеобщих выборах» [24, с. 248]. У каждой страны с этой точки зрения свой выбор.

Несколько аналитических моментов связано с идеей структурного усложнения как показателем динамики социума.

Внешняя динамика связана, по мнению того же Р. Челлена, с обретением так называемых «естественных границ» (тот же французский гексагон). И здесь и сейчас это уже некий «геополитический шаблон», оптимально островное государство вообще и территориальные параметры Франции и Испании в частности.

Характерно, что, с точки зрения Р. Челлена, внутренние предпочтения у таких активных, но «сомнительных» геополитических акторов, как Россия и Сербия, связаны с «тоской по морю», ощущением уязвимости национальной территориальной организации. Наиболее яркий маркер такой оценки, например, – связанная с этой уязвимостью «ошибочность» нахождения столицы России в Санкт-Петербурге. Разводятся понятия «социум и государство», «социум и власть»: политический и государственный проект «триморья», где столица – Санкт-Петербург [3, с. 110–111], не отменяет важности процессов внутренней колонизации, демографической политики, усложнения социальной структуры вследствие усилий той же власти. Тогда приоритеты выбора столицы могут выглядеть сквозь призму других предпочтений.

Операциональна идея границ в качестве показателя теперь уже внешней динамики социума.

Одним из первых стал использовать пространственные параметры в таком плане Ф. Ратцель. Биологизируя исторические тенденции, он обращал внимание на то, что любое государство не только занимает конкретную

территорию, живет в некоем «жизненном пространстве» [3, с. 48–49], целостности, которая позволяет ему существовать, но и обладает еще «чувством пространства», т.е. ощущением того, что эта целостность ему необходима. Это чувство стало своеобразным Святым Граалем геополитических пасьянсов, неким аналогом «судьбы» древних или «случая» просветителей. Прагматичнее связывать эту ситуацию с историческими особенностями социума и фиксировать в контексте формирования пограничья (фронтира) так называемой «живой границы», которая подвижна. Идеи эти, на что неоднократно обращалось внимание, были заимствованы в период III Рейха и переводили аргументы из сферы науки в идеологию, компрометируя направление исследований в целом [13].

Гораздо рациональнее с этой точки зрения потенциал работы К. Хаусхофера «Границы в их географическом и политическом значении» (1927), где развивается идея о том, что «граница» – это сложный политико-географический феномен, связанный с историческими ландшафтами и задающий внешние параметры социуму [15].

Природные ландшафты с этой точки зрения могут «соединять и разъединять», феномен границы позволяет манипулировать внутренней динамикой государственного строительства. Это настоящее искусство, предполагающее и выстраивание компромиссных взаимоотношений с граничащими государствами и использующее этот момент в контексте «разогрева» или «заморозки» внутривнутриполитической ситуации. Напрямую отражает степень компетенции политической верхушки по линии истеблишмент (уместен именно западный термин: обслуживание), или элита. Последнее не то что редко – уникально.

Например, у границ, проложенных по водотоку и водоразделу, разные «разгонные параметры». Принцип водотока усиливает динамику соседства, граница становится все более проницаемой, а значит, сложной для контроля (Амур, Висла, Днестр, Дунай, Инд, Красная река, Прут, Рейн, Рио-Гранде, Шатт-эль-Араб), ее потенциальная угроза государственности возрастает (по максимуму – «кровотокающая рана»). Принцип водораздела, наоборот, динамику соседства «гасит» (Гларус, Богемия, Фергана, Цзянси). В этом есть и свои минусы, конечно, но самое осознание этого момента дорогого стоит.

В этой связи можно обратить внимание на неоднозначность оценки в таком контексте колониционной политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., которая была привязана к границе по Амуру. С одной стороны, возможности Китайско-Восточной железной дороги придавали региону динамику и в какой-то степени позволили его сохранить, задействуя логистические преимущества инфраструктуры [25, с. 116]. С другой стороны, с течением времени территориальные акценты сильно сместились, потенциал собственно колонизации расплылся [26]. В итоге граница по водотоку сделала потенциал соседства с Китаем безальтернативным для России, тенденция становится все более вариативной, делая ситуацию неоднозначной, хотя изначально пространство для маневра присутствовало.

Внутренняя динамика связывается со структурной трансформацией государственных организмов в контексте индустриальной урбанизации.

К. Хаусхофер обращает внимание на то, что определяющим для любого усложняющегося социума является демографический рост, на его основе

открываются возможности осваивать новые территории, так называемые анэйкумены, где население малочисленно. Сейчас все такие территории политически зафиксированы, но за них можно бороться (регионы Амазонии, Арктики, Антарктики и т.д.). Более того, темпы урбанизации в масштабах политического целого влияют на возможности контроля даже своей территории. С этой точки зрения современная урбанизация повышает напряжение во взаимоотношениях соседних государств, делает социальную структуру общества более уязвимой.

Еще один аспект исторического своеобразия конкретных социумов связан с возможностями их демографического давления.

Социум развивается или стагнирует, этому соответствует его внутренняя структура, одной из производных чего и является рассматриваемый феномен. Давление эффективно, если оформляется в колонизацию. Эта тема воспринималась немецкими континенталистами очень болезненно.

В центре их внимания проблема того, почему тенденция пограничной экспансии оказалась успешной для США или России и негативной именно для немцев. Связывали этот момент с особенностями социальной структуры в контексте урбанизации. У Ф. Ратцеля формируемые на этом фоне приоритеты, «сужение горизонта» [20, с. 36] лишили немцев ряда исторических возможностей и тем самым снизили возможности развития вширь. К. Хаусхофер обращает внимание на то, что колонизация великороссов имела вид своеобразных полос, им удалось создать компактно заселенные непрерывно территории, отсюда «русский разлив» до Аляски. Это, конечно же, и американская «открытая граница», или фронт. Немецкая колонизация такие полосы создать не смогла, на восточных землях расселение немцев приобрело диффузный, городской характер. В итоге немецкая колонизация между Одером и Дунаем не стала сквозной, и немцы упустили шанс зафиксировать эту территорию политически, обесценили значительный временной промежуток своей истории [21, с. 188, 236].

В заключение обратим внимание на то, что принципы общего анализа материала в контексте континентализма связаны с идеей государства как сложной системы с меняющейся доминантой в рамках политической дихотомии морских и сухопутных социумов.

Так, К. Хаусхофер обратил внимание на то, что между «морскими (океанскими)» и «сухопутными (континентальными)» жизненными формами существует антагонизм («Панидеи в геополитике», 1931) [27]. Антропогеографическая сторона человеческой истории может быть осмыслена в контексте борьбы таких социумов, причем, что характерно, у Хаусхофера морские социумы более динамичны, они и победили.

Таким образом, есть компоненты процесса, но структурная матрица отсутствует. Более того, ряд косвенных замечаний свидетельствует, что она невозможна в рассматриваемой системе координат. Пазл не сложился, в этом уязвимость операционного инструментария.

Заключение

Самодовлеющий характер компонентов геополитического анализа в рамках германского континентализма очевиден, в этом основная практическая неувязка. Противоречивость этих установок хорошо просчитывается на фоне

идеи интеграции Европы, которая для представителей анализируемого дискурса всегда сохраняла привлекательный практический оттенок [28] и отчасти воплотилась в форме Европейского союза на рубеже XX–XXI вв.

С одной стороны, конечно, предложено множество псевдореалистичных в своей открытой декларативности вариантов интеграции «от Атлантики до Урала» или «от Владивостока до Дублина». Однако их привлекательность носит только «лингвистический» оттенок. С другой стороны, общая установка по так называемой «континентальной судьбе Европы» до сих пор абстрактна и бессмысленна, потому что не учитывает исторические реалии, остается принципом «пустой скорлупы»: проблемы интеграции на пространстве Европы нерешаемы в принципе с учетом доминирования в рамках номоса Земли атлантизма, и с этой точки зрения предложения несут в себе мало прагматики. Аргументация не отвечает основному критерию «реального» континентализма – политическому целому в рамках внутреннего доминирования, потому что и в 1919, и в 1991 г. приоритеты внутриевропейской интеграции были обусловлены и предопределены внешним политическим актором – США. Более того, значительная часть общеевропейского историко-географического пространства в лице России из этого расклада до сих пор выпадает по определению. Про заявленный потенциал любого политического агрегата в таком контексте можно говорить пока условно.

Так мы выходим на основную проблему самоидентификации континентализма как набора политических приоритетов, которая до сих пор ограничена как раз компрометацией самого этого принципа – консолидация континентального пространства любого материка или региона под влиянием внутривнутриполитической интеграции, «сухопутно ориентированного» номоса Земли. Такой тенденции на уровне практической политики пока нет или она зафиксирована очень слабо.

Таким образом, рациональные послы в континентализме очевидны, но, к сожалению, не только скомпрометированы идеологически, но и маргинализированы теоретически. В этом, на наш взгляд, противоречивость и некоторая безысходность выбранной системы геополитических координат.

Список литературы

1. Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 308 с.
2. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М. : Арктогея, 1997. 608 с.
3. Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 270 с.
4. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М. : РОССПЭН, 1996. 168 с.
5. Кареев Н. И. Историология. Теория исторического процесса. Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 316 с.
6. Ключевский В. О. Методология русской истории // Собрание сочинений : в 9 т. / В. О. Ключевский, М., 1989. Т. VI. С. 5–93.
7. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М. : Мир, 1990. 344 с.
8. Луман Н. Введение в системную теорию. М. : Логос, 2007. 360 с.
9. Естественные эксперименты истории / под ред. Дж. Даймонда и Дж. Робинсона. М. : АСТ, 2018. 352 с.

10. Дугин А. Г. Международные отношения. Парадигмы, теории, социология. М. : Академический проект, 2013. 349 с.
11. Ильин М. В. Политические профессии Рудольфа Челлена // Государство как форма жизни / Р. Челлен. М. : РОССПЭН, 2008. С. 8–36.
12. Шувалов В. И. Геополитический аспект борьбы государств между собой в интерпретации Рудольфа Челлена // Вестник военно-исторических исследований : Междунар. сб. науч. тр. Пенза, 2013. № 5. С. 87–93.
13. Васильченко А. В. Сумрачный гений III Рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером. М. : Вече, 2013. 304 с.
14. Усачев И. Г. Послесловие // О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. М., 2001. С. 419–423.
15. Шувалов В. И. Геополитический аспект взглядов Карла Хаусхофера // Вестник военно-исторических исследований : Всерос. сб. науч. ст. Пенза, 2015. № 6. С. 161–175.
16. Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М. : Прогресс-традиция, 2006. 208 с.
17. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
18. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 479–572.
19. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2012. 656 с.
20. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 58 с.
21. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 7–250.
22. Селищев А. С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 256 с.
23. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М. : АСТ, 2018. 720 с.
24. Челлен Р. Государство как форма жизни. М. : РОССПЭН, 2008. 320 с.
25. Перов И. С. Военно-историческая аналитика. Пять веков русской истории. М. : Вече, 2022. 496 с.
26. Дятлова А. К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2015. 179 с.
27. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 251–352.
28. Хаусхофер К. Континентальный блок: Центральная Европа, Евразия, Япония // О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 371–418.

References

1. Geyden G. *Kritika nemetskoy geopolitiki = Criticism of German geopolitics*. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960:308. (In Russ.)
2. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii = Fundamentals of geopolitics. Geopolitical future of Russia*. Moscow: Arktogeya, 1997:608. (In Russ.)
3. Zeleneva I.V. *Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX veka) = Geopolitics and geostrategy of Russia (18th – the first half of the 19th centuries)*. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2005:270. (In Russ.)
4. Sorokin K.E. *Geopolitika sovremennosti i geostrategiya Rossii = Geopolitics of modern times and geostrategy of Russia*. Moscow: ROSSPEN, 1996:168. (In Russ.)

5. Kareev N.I. *Istoriologiya. Teoriya istoricheskogo protsessa = Historiology. Theory of historical process*. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1915:316. (In Russ.)
6. Klyuchevskiy V.O. *Methodology of Russian history. Sobranie sochineniy: v 9 t. = Collected essays: in 9 volumes*. Moscow, 1989;VI:5–93. (In Russ.)
7. Nikolis G., Prigozhin I. *Poznanie slozhnogo. Vvedenie = Understanding the complex. Introduction*. Moscow: Mir, 1990:344. (In Russ.)
8. Luman N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu = Introduction to systems theory*. Moscow: Logos, 2007:360. (In Russ.)
9. Diamond J., Robinson J. (eds.). *Estestvennye eksperimenty istorii = Natural experiments of history*. Moscow: AST, 2018:352. (In Russ.)
10. Dugin A.G. *Mezhdunarodnye otnosheniya. Paradigmy, teorii, sotsiologiya = International relationships. Paradigms, theories, sociology*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2013:349. (In Russ.)
11. Il'in M.V. *Political professions of Rudolf Kjellen. Gosudarstvo kak forma zhizni = State as a form of life*. Moscow: ROSSPEN, 2008:8–36. (In Russ.)
12. Shuvalov V.I. The geopolitical aspect of the struggle between states in the interpretation of Rudolf Kjellen. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: Mezhdunar. sb. nauch. tr. = Bulletin of military historical research: International collected papers*. Penza, 2013;(5):87–93. (In Russ.)
13. Vasil'chenko A.V. *Sumrachnyy geniy III Reykha. Karl Khaushofer. Chelovek, stoyavshiy za Gitlerom = The shadowy genius of the 3rd Reich. Karl Haushofer. The Man Behind Hitler*. Moscow: Veche, 2013:304. (In Russ.)
14. Usachev I.G. Afterword. *O geopolitike. Raboty raznykh let = About geopolitics. Works from different years*. Moscow, 2001:419–423. (In Russ.)
15. Shuvalov V.I. Geopolitical aspect of Karl Haushofer's views. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: Vseros. sb. nauch. st. = Bulletin of military historical research: All-Russian collected papers*. Penza, 2015;(6):161–175. (In Russ.)
16. Mid U.R. *Vlast', terror, mir i voyna. Bol'shaya strategiya Ameriki v obshchestve riska = Power, terror, peace and war. America's Grand Strategy in a Risk Society*. Moscow: Progress-traditsiya, 2006:208. (In Russ.)
17. Shmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum = Nomos of the Earth in the rights of peoples jus publicum europaeum*. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2008:670. (In Russ.)
18. Shmitt K. The order of large spaces in the law of peoples, with a ban on the intervention of forces alien to the space. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum = Nomos of the Earth in the rights of peoples jus publicum europaeum*. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2008:479–572. (In Russ.)
19. Lyutvak E.N. *Strategiya Vizantiyskoy imperii = Strategy of the Byzantine Empire*. Moscow: Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2012:656. (In Russ.)
20. Ratzel F. *Chelovechestvo kak zhiznennoe yavlenie na zemle = Humanity as a life phenomenon on earth*. Moscow: LIBROKOM, 2011:58. (In Russ.)
21. Khaushofer K. Borders in their geographical and political meaning. *O geopolitike. Raboty raznykh let = On geopolitics. Works from different years*. Moscow, 2001:7–250. (In Russ.)
22. Selishchev A.S. *Yaponskaya ekspansiya: lyudi i idei = Japanese expansion: people and ideas*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1993:256. (In Russ.)
23. Diamond J. *Ruzh'ya, mikroby i stal': istoriya chelovecheskikh soobshchestv = Guns, Germs and Steel: A History of Human Communities*. Moscow: AST, 2018:720. (In Russ.)
24. Chellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni = State as a form of life*. Moscow: ROSSPEN, 2008:320. (In Russ.)
25. Perov I.S. *Voenno-istoricheskaya analitika. Pyat' vekov russkoy istorii = Military historical analytics. Five centuries of Russian history*. Moscow: Veche, 2022:496. (In Russ.)

26. Dyatlova A.K. *Russian foreign policy in the Far East at the turn of the 19th – 20th centuries in modern Anglo-American historiography*. PhD dissertation. Penza, 2015:179. (In Russ.)
27. Haushofer K. Panideus in geopolitics. *O geopolitike. Raboty raznykh let = On geopolitics. Works from different years*. Moscow, 2001:251–352. (In Russ.)
28. Haushofer K. Continental block: Central Europe, Eurasia, Japan. *O geopolitike. Raboty raznykh let = On geopolitics. Works from different years*. Moscow, 2001:371–418. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Иванович Шувалов

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Vladimir I. Shuvalov

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor
of the sub-department of general
history and social studies, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: shuvalov58@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023